

ВЕЛИКИЙ АКТЕР

Завтра исполняется сто лет со дня рождения Василия Ивановича Качалова

МНЕ вспоминаются слова К. С. Станиславского в его письме к В. И. Качалову: «Вы счастливее. Вам дан природой высший артистический дар: специическое обаяние, которое отпущено вам сверх меры». Действительно, качаловское обаяние было огромно. Стоило ему появиться на сцене, и зрительный зал был уже в его власти. К Качалову тянулись люди, он пользовался огромным успехом, его игра всегда вызывала горячий отклик зрителей.

В дореволюционные годы устами Тузенбаха он провозгласил приближение великой очищающей бури, играя Петю Трофимова, приветствовал зарю новой жизни. В образы Ивана Карено и Чацкого он вкладывал огромную веру в будущее, призыв к свету, к жизни, к борьбе. Именно это делало Качалова столь близким прогрессивному зрителю, особенно молодежи.

В юности я часто бывал на концертах Василия Ивановича в здании Политехнического музея. Он устраивал их в пользу студентов вильненского землячества (Качалов был родом из Вильно). Оvation не было конца. Надо сказать, что и Василий Иванович любил юношескую аудиторию и никогда не отказывался принимать участие в концертах для студентов.

В советское время мне довелось участвовать в спектаклях вместе с Василием Ивановичем. Я восхищался им, когда он играл в «Воскресении» роль «от автора», а я — прокурора. Он находил необычайно точные краски для выражения страдания, любви, ненависти.

В спектакле «Николай I и декабристы» Кутеля Василий Иванович играл Николая I. Верный чувству современности, он изображал его с таким сарказмом, что буквально изничтожал самодержца-лицемера. А в роли Захара Бардина во «Брагах» Горького Качалов беспощадно, и при этом очень тонко, развенчи-

вал либерала-пустозвона.

И совсем иной характер — народный, героический — создавал Качалов в пьесе Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». Роль вожака сибирских партизан Вершинина была его несомненной и принципиальной удачей.

Качалов-актер всегда был в движении, он шел от жизни, от органической связи с людьми, с их насущными интересами. Он всегда выражал в своем творчестве самые передовые идеи своего времени.

Особенно памятна мне постановка «Горя от ума» в 1933 году. Я видел Качалова в роли Чацкого в первом, еще дореволюционном, спектакле. В его исполнении было тогда меньше гражданственности, больше влюбленности, лиризма. Теперь же он играл со страстным подъемом и оптимизмом. Наверное, он был первым актером, который услышал в заключительных словах последнего монолога Чацкого ноту победности. Он произносил эти слова так:

«...пойду искать
по свету,
Где оскорбленному
ЕСТЬ чувству
уголок!».

Это уже не побежденный, а победитель!

Случилось так, что я, будучи совсем молодым актером, получил роль Чацкого. Конечно, при встрече с Василием Ивановичем на репетиции я был очень смущен. Передо мной был великий Качалов, и вдруг — я играю его роль! Но Василий Иванович был предельно доброжелателен ко мне и все время меня поощрял. И я был очень тронут, когда в день спектакля получил от него корзину с цветами, письмо и книжку «Горе от ума», где его рукой были размечены все ударения и паузы. Думаю, что это письмо Качалова представляет несомненный интерес для творческой молодежи. Поэтому привожу его полностью:

«Ни пера, ни пуха, дорогой Марнуша!

Со всех сторон слышу самые лучшие отзывы о Ваших последних репетициях и, вероятно, сыгравте Чацкого отлично. Если даже сегодня где-ни-

будь что-нибудь не выйдет так, как выходило на репетициях, — не смущайтесь, придет в следующие разы.

Главное, не торопитесь, не бойтесь пауз и остановок перед каждым новым куском. Успокаивайтесь на этих остановках, не гоните темпа ради темпа. Не бойтесь успокаиваться, наметьте эти точные и определенные остановки. Предлагаю свои по этой книжке — проверьте их, думаю, что согласитесь с ними.

Внушите себе крепко, что у Вас сегодня первая генеральная репетиция — для «пап» и «мам» — и будьте спокойны!

Обнимаю,
Ваш Качалов».

Вообще Качалов был исключительно доброжелателен к молодежи, да и не только к молодежи. Доброта Качалова была широко известна. Василий Иванович откликался на все просьбы, всем помогал, причем делал это очень скромно, незаметно. Доброта Качалова иногда даже приобретала комический характер.

Как-то, когда мы еще были студентами театральной студии, после нашего спектакля «Узор из роз» Василий Иванович подошел к нам и стал давать участникам спектакля оценки: «Вы играли хорошо, вы — хорошо, вы тоже — хорошо», — тут студент, к которому Качалов обратился, смущенно признался, что он не участвовал в спектакле. Василий Иванович уверенно ответил: «Все равно, если будете играть — будете играть хорошо».

Все это шло у него от искреннего желания всем сказать доброе слово. Это не значит, однако, что Качалов был «добренький». В искусстве он был строг, требователен и принципиален, но, будучи человеком глубоко интеллигентным, Василий Иванович делал замечания с большим тактом, очень деликатно.

У Качалова было огромное чувство юмора, он любил и ценил остроумную шутку. Свои шуточные стихи он посвящал всем. Перед поездкой в Париж в 1936 году, куда мы вели «Анну Каренину», он и мне подарил свой портрет со стихами. Они начинаются так:

«Когда б я был поэтом,
Таким, как, скажем,
Уткин;

То под своим портретом
Тебе, Маркуша
Прудкин,
Я б написал сонет,
Душистый, как
букет...».

Никогда не изгладится из памяти народной образ великого артиста и замечательного человека — Василия Ивановича Качалова.

М. ПРУДКИН,
народный артист
СССР.